

УДК 930.2:94(476):316.647.8(=162.1)

Методы историко-имагологического исследования (на примере белорусского стереотипа поляка)

А.М. КРОТОВ

Статья посвящена методике историко-имагологического исследования. Автор характеризует национальный стереотип как объект научного исследования, а также применяемые для его изучения методы. Применение этих методов показано им на примере белорусского стереотипа поляка.
Ключевые слова: историческая имагология, методы исследования, белорусский стереотип поляка.

The article is devoted to the methodology of historical and imagological research. The author characterizes the national stereotype as an object of scientific research, as well as the methods used to study it. The application of these methods is shown by him on the example of the Belarusian stereotype of the Pole.
Keywords: historical imagology, research methods, Belarusian stereotype of the Pole.

Впервые понятие «социальный стереотип» в научный оборот ввёл американский журналист, политолог и социолог Уолтер Липпман в 20-х гг. XX в. В Восточной Европе, в том числе и в Беларуси, Липпман известен, главным образом, своей концепцией общественного мнения, ставшей на Западе одной из классических. В качестве эпиграфа к книге «Общественное мнение», в которой Липпман изложил эту концепцию, он привёл фрагмент из сочинения Платона «Государство» с описанием пещеры узников, которые были вынуждены всю жизнь наблюдать только тени мира, но не сам мир; поскольку они никогда не видели того, кто и что отбрасывает тени, то даже не догадывались о существовании чего-то более реального, чем они [1]. Липпман утверждал, что познавательные возможности человека ограничены: он не может знать всё, т. к. окружающая среда слишком сложна и изменчива. Приспосабливаясь к такому положению, человек систематизирует знание о мире в категории, являющиеся фикциями, стереотипами, элементами псевдосреды. А его поведение является реакцией на стимулы этой псевдосреды: «Очень часто люди... отделены друг от друга значительным расстоянием. И у них нет ни времени, ни возможности для близкого знакомства. Поэтому, усмотрев в каком-то человеке знакомую, свойственную определённому типу черту, мы восполняем отсутствующую информацию о нём с помощью стереотипов, содержащихся в нашем сознании... Нам рассказывают о мире до того, как мы его видим. Мы получаем представление о большинстве вещей до того, как непосредственно сталкиваемся с ними. И если полученное нами образование не помогает чётко осознать существование этих предубеждений, то именно они управляют процессом восприятия. Они маркируют объекты либо как знакомые, либо как странные и необычные, усугубляя различие по этому параметру: слегка знакомое подаётся как очень близкое, а чуть-чуть странное – как абсолютно чужое» [2, с. 49–50].

Системы стереотипов представляют собой упорядоченную, более или менее непротиворечивую картину мира. В ней удобно размещаются привычки людей, их вкусы, способности, удовольствия и надежды. Стереотипная картина мира может быть не полной, но это картина того мира, к которому люди приспособились. В этом мире они чувствуют себя комфортно. Они вписаны в него и являются его составной частью. Здесь им всё знакомо, нормально, надёжно. Поэтому неудивительно, что любое изменение стереотипов воспринимается человеком (и обществом, частью которого он является) как атака на основы мироздания [2, с. 52]. По утверждению У. Липпмана: «Стереотипы служат гарантией нашего самоуважения; проецируют во внешний мир осознание нами собственной значимости; защищают наше положение в обществе и наши права. Следовательно, стереотипы наполнены чувствами, которые с ними ассоциируются. Они – бастион нашей традиции, и, укрывшись за стенами этого бастиона, мы можем чувствовать себя в безопасности» [2, с. 52].

Одной из разновидностей социальных стереотипов являются стереотипы национальные, большая часть которых является отражением действительных контактов между этническими группами. Сами контакты, заселение общей территории, конфликты и т. п. влияют на актуальность их взаимного восприятия, содействуют образованию стереотипов, которые становятся неотъемлемым элементом обыденного сознания людей.

Нельзя сказать, что стереотипы возникают и существуют сами по себе. В каждом поколении существуют сравнительно небольшие группы людей, которые занимаются их организацией, стандартизацией и, как утверждал У. Липпман, «доведением их до уровня логических систем, известных под названием Законов Политической Экономии, Принципов Политики и пр.» [2, с. 56]. Эти идеализированные представления нет смысла оспаривать, но их необходимо постоянно изучать и учитывать в анализе событий прошлого, настоящего, и даже тех событий, которые гипотетически могут произойти в будущем. Стереотипы реально циркулируют в ходе истории, являясь фактором исторического процесса. И в этом своём качестве они безусловно являются важным объектом научных исследований, исходным положением которых является то, что национальный стереотип – это не сформулированные кем-либо системные научные представления, а изменяющиеся имитации, реплики, подделки, аналогии и искажения этих представлений в сознании отдельных людей [2, с. 56].

Как уже было сказано выше, национальные стереотипы, как и социальные стереотипы в целом, изначально входили в сферу интересов социологии и политологии – наук, сформировавшихся на Западе. Со значительным запозданием, преодолевая идеологические табу, ими стали заниматься и советские учёные. Поначалу проявленный ими интерес был достаточно однобоким – стереотипы изучались на предмет их эвентуального использования «идеологическим противником» в пропагандистской работе в качестве средства «массового заражения». В 80–90-х гг. прошлого века в «перестраивающемся» СССР и уже на постсоветском пространстве стереотипы попадают в сферу интересов учёных разной специализации, в том числе и историков. В это время зарождается и быстро развивается новая отрасль научного знания – имагология (от лат. *imago* – изображение, образ), целью которой стало изучение законов создания, функционирования и интерпретации образов «других», «чужих», инородных для воспринимающего. В скором времени стали формироваться имагологические направления в рамках классических научных дисциплин. В числе их появляется и историческая имагология, которая изучает существовавшие в прошлом образы и стереотипы восприятия окружающего мира, в т. ч. национальные образы и стереотипы.

Очевидно, что изучение национальных стереотипов требует междисциплинарного подхода. Пока ещё нет универсальных методик, которые бы позволяли выявлять все компоненты национального стереотипа, все его характеристики. Каждая из имеющихся сегодня методик имеет свои достоинства и недостатки.

Поскольку эмоционально-психологической основой стереотипов являются предубеждения, начинать изучение стереотипов необходимо с исследования предубеждений.

Существуют два пути исследования. Психиатры и отчасти психологи, интересуясь предубеждением как психологическим феноменом, чтобы понять истоки и механизм предубеждения, изучают психику предубеждённых людей. Для этого в настоящее время больше всего применяются психосемантические методики.

Представители социальных наук, в т. ч. и историки, исходят из того, что отдельный индивид усваивает свои стереотипы, строящиеся на предубеждении, из общественного сознания. Поэтому они считают, что нужно изучать не столько предубеждённого человека, сколько общество, которое данные предубеждения порождает. Здесь психосемантические методики не находят применения.

Многие исследователи-историки предпочитают опираться на традиционные для исторической науки методы. Их выбор во многом определяется целями исследования, актуальными научно-исследовательскими задачами, а также особенностями источниковой базы. Есть и другие факторы, определяющие выбор методов.

Историк не может изучать стереотип вне эпохи, в которой он существовал. По сути дела, он имеет дело с модификацией национального стереотипа, свойственной тому или иному историческому периоду. Таким образом, в отличие от социологов и психологов, историки

изучают стереотипы, существовавшие в прошлом (например, стереотипы, бытовавшие у исчезнувших народов) или современные стереотипы, но в их прежних модификациях. Сами стереотипы рассматриваются в качестве фактора исторического процесса, поскольку они использовались для формирования общественного сознания, общественного мнения, общественных настроений, мотивации общества в целом, отдельных его групп или личностей на определённые действия, которые в конечном счёте и стали, собственно говоря, историей.

Как известно, существует два основных уровня научного познания: эмпирический и теоретический. В процессе изучения национальных стереотипов, в т. ч. и белорусского стереотипа поляка, приходится внедряться в источниковый материал разного происхождения в поисках элементов стереотипа либо какого-либо его варианта, претендующего на цельность. На этом этапе, безусловно, приходится работать на эмпирическом уровне познания, предполагающем накопление и отбор фактов, а также установление связей между. Поскольку на эмпирическом уровне стереотип отражается преимущественно со стороны внешних связей и проявлений, главным для этого уровня является фактифицирующая деятельность.

Теоретический уровень познания связан с осмыслением добытого эмпирическим путём материала и его переработкой. На этом уровне раскрывается характер стереотипа, его структура, а также закономерности его генезиса в конкретном историческом контексте. При этом изучение стереотипа не должно подменяться изучением его исторического контекста. Стереотип нельзя рассматривать как некую иллюстрацию к историческим процессам, придавая их восприятию эмоциональную окраску. Тем не менее, на практике, в историко-имагологическом исследовании нельзя и отрываться от исторического контекста формирования стереотипа, ибо активная фаза этого процесса всегда приходится на состояние обострения межнациональных отношений, конфликта, в котором не может быть мелочей, ибо именно они придают восприятию чужого необходимую эмоциональность. Результатом становится формирование предвзятости, являющейся психологической основой любого гетеростереотипа, в т. ч. и белорусского стереотипа поляка.

Что касается соответствия данного стереотипа аксиоме о том, что не существует позитивных национальных гетеростереотипов (позитивным является только автостереотип), оно действительно наблюдается. Однако нельзя не отметить, что изначально о негативном характере данного стереотипа можно говорить лишь условно. Придание же ему отрицательных черт и качеств связано, чаще всего, с попыткой внутренних и внешних сил ускорить процесс формирования негативного стереотипа как эффективного средства идеолого-пропагандистского воздействия на белорусского обывателя и перетягивание его на сторону противостоящих Польше и полякам сил (как это было, например, в XIX в., в период польских освободительных восстаний 1830–1831 и 1863–1864 гг., или в межвоенный период 1918–1939 гг.). Так что исторический контекст необходимо привлекать в достаточной полноте, учитывая сложную, а иногда и пёструю структуру исторического процесса в конкретно взятый период. Кроме того, изучая стереотип, необходимо отодвинуть на задний план то, чем более всего интересуются историки – социально-экономический базис и политическую надстройку, а на первый (главный) план выдвинуть состояние культуры и общественной мысли.

Как известно, методы научного познания принято делить на общие и специальные. Общие методы, в отличие от специальных, используются на всём протяжении исследовательского процесса и в самых различных по предмету науках, в том числе и в исторической имагологии. В числе общих методов научного познания, актуальных для историко-имагологического исследования белорусского стереотипа поляка, следует выделить методы эмпирического и теоретического исследования.

Из методов эмпирического исследования в исследовании белорусского стереотипа поляка применяются методы наблюдения и сравнения.

Наблюдение даёт первичную информацию об объекте. Прежде всего, она черпается из фольклорных источников (поговорки, анекдоты, сказки, песни). Главное – сохранять объективность в интерпретации источниковых данных и, тем более, не пытаться исказить «выуженный» из источников материал, «подогнать» его под выстроенную уже концепцию, а также не доверяться уже сделанным кем-то интерпретациям. Поскольку белорус-

ский стереотип поляка формировался в прошлом, а фольклорная традиция в наши дни, к большому сожалению, скорее мертва, чем жива, перепроверить данные, собранные этнографами и фольклористами второй половины XIX – начала XX вв. весьма сложно, а чаще всего – просто невозможно. Потому приходится полагаться на добросовестность этих учёных, равно как и на то, что они были максимально мотивированы на сохранение аутентичности вводимых ими в научный оборот материалов. Поскольку наблюдение бывает прямым и косвенным, в данном случае следует говорить о применении метода косвенного наблюдения, ибо информация добывается не в ходе самостоятельного наблюдения, а при помощи этнографов и фольклористов, к тому же живших век-полтора назад.

Сравнение позволяет установить сходство и различие между объектами научного исследования. Для того, чтобы оно имело результат, сравнение должно удовлетворять двум основным требованиям. Во-первых, сравниваться должны лишь однотипные объекты, между которыми может существовать определённая логическая связь. Во-вторых, сравнение должно осуществляться по наиболее важным, существенным признакам. Информация об объекте, полученная с помощью сравнения, может сама по себе являться непосредственным его результатом. Однако очень часто целью сравнения становится получение вторичной информации, являющейся результатом обработки первичных данных. Наиболее важным способом такой обработки является умозаключение по аналогии.

В частности, в научном изучении белорусского стереотипа поляка (а по сути дела – его реконструкции) большую роль играет сопоставление данного стереотипа с польским стереотипом мазура, с польским автостереотипом, а также с русским стереотипом поляка. В качестве примера можно привести сравнение белорусского стереотипа поляка с польским стереотипом мазура. Польские историки, изучавшие процесс польской колонизации белорусских земель, утверждают о безусловном преобладании среди польских мигрантов выходцев из Мазовии [3, s. 121–135], [4, s. 62–73], [5, s. 224–226], [6, s. 224–225], [7], [8, s. 49–51]. Известный польский историк Владислав Смоленьский, в частности, писал, что специфические племенные черты мазуров около XVI в. стали объектом шуток и насмешек, и были «воспеты» в польском фольклоре [3, s. 136–147]. Длительная (до XVII в.) изоляция Мазовии от культурных центров Польши, особенно её северо-востока и Подляшья, заселённых мелкопоместной шляхтой, способствовала формированию негативного стереотипа мазура: бедный, необразованный, упрямый и заносчивый сутяжник [9]. Точно такие же черты фиксируются в начавшем свой генезис белорусском стереотипе поляка. Сравнение польского стереотипа мазура и белорусского стереотипа поляка свидетельствует, во-первых, об объективности общественного мнения, которое адекватно реагировало на объект стереотипизации, и, во-вторых, о том, что знания белоруса о поляке были, во многом, знаниями поляка о самом себе [10, s. 104], [11, s. 61–63].

В число методов теоретического исследования, применяемых в исследовании белорусского стереотипа поляка, входят методы абстрагирования и идеализации (идеализация – далеко зашедшее абстрагирование), анализа и синтеза, индукции и дедукции, мысленного моделирования, а также аксиоматический метод.

Метод абстрагирования даёт возможность отвлечься в ходе исследования стереотипа от несущественных его деталей для выделения деталей существенных, определяющих свойства стереотипа, его направленность и качество. Вообще, сам стереотип, являясь, по-сути, отношением, абстрактен.

В процессе научного изучения национальных стереотипов также применяются методы анализа и синтеза. Считается, что лишь в своём единстве они дают полное и всестороннее знание об объекте исследования. Однако в случае с национальными стереотипами это не совсем так. Поскольку национальных стереотипов в готовом виде, как правило, не существует, за них выдаются стереотипизированные образы, соответствующие той или иной исторической эпохе и характерному для этих эпох состоянию межнациональных отношений. Национальный стереотип приходится реконструировать, собирать из деталей (как это делают археологи, собирая, как пазл, из найденных на раскопе черепков керамический сосуд, лишь условно представляя его форму, не говоря уже о деталях). Мысленное, в случае со стереотипом, соединение отдельных его элементов в единое целое есть не что иное, как синтез. Разу-

меется, в ходе соединения этих элементов возникают проблемы – не всегда соединяемое выглядит органично, образуются лакуны. Приходится разбирать конструкцию и выстраивать её заново, больше внимания уделяя «подгонке» деталей, для чего каждую из них необходимо внимательно изучить. Мысленное же расчленение стереотипа на образующие его элементы и их предметное изучение есть ничто иное, как анализ.

В ходе изучения национальных стереотипов, в т. ч. белорусского стереотипа поляка, невозможно обойтись без применения метода мысленного моделирования. Это объясняется фрагментированностью стереотипа, усугублённой его лакунарностью. Для дефрагментации и устранения лакун активно применяется воображение, которое разные исследователи обозначают по-разному. Например, советский философ, писатель и переводчик Я.Э. Голосовкер называл его «имагинативным познанием» [12], а советский и российский философ, культуролог и литературовед Г.Д. Гачев – «имагинативной дедукцией» (дедукция и индукция воображения и воображением). Вообще, Г.Д. Гачев утверждал, что метод «имагинативной дедукции» имеет особое место в воссоздании целостной картины мира, ибо он «...развивал умозрение, ориентированное на целое, и боковое зрение, шествующее вместе с логическим, вперёд только вперёд; в их общей работе возникает такое гносеологическое образование, которое можно назвать «мыслеобраз» [13, с. 14–15].

Метод индукции в историко-имагологическом исследовании является одним из основных. С его помощью разрозненные фрагменты стереотипа, отдельные его черты складываются в единый объект – стереотип, который в цельном виде едва ли существует (обычно за него как раз и выдаются отдельные фрагменты, актуальные в той или иной связи). Индуктивное умозаключение связывает детали, предпосылки и т. д. с заключением через некоторые фактические, психологические или другие представления, а не строго через законы логики.

Дедукция позволяет генерировать логический вывод, истинность которого гарантируется истинностью посылок. Посылками же дедукции являются аксиомы, имеющие характер общих утверждений. В частности, одна из таких аксиом, особенно важных в имагологии, уже была упомянута: о негативном характере национальных гетеростереотипов и позитивном – автостереотипов. Гетеростереотипы по сути являют собой исторически сложившиеся предубеждения. Автостереотипы же, относящиеся к самохарактеристике этноса, носят, как правило, комплементарный характер.

Считается, что если посылки дедукции истинны, то истинны и её следствия. Однако это если речь идёт о научном знании. Стереотип же таковым не является. Представляя собой мнение, зачастую «взятое с потолка», он является эрзацем знания, тем, что его заменяет (или подменяет). Он может противоречить фактам или лишь частично соответствовать истине, однако всегда позиционирует себя как «достоверное знание» [14, с. 14–15]. Он не нуждается в доказательствах и вообще не зависит от фактического уровня знаний людей. То, что ему противоречит, попросту игнорируется [15]. Поэтому, апеллируя к дедукции, которая является основным средством логического доказательства, следует постоянно помнить, что сам по себе национальный стереотип основан на чём угодно, только не на логике. В его основе лежит предубеждение, которое, в свою очередь, строится на отрицательных аффективных эмоциях. Логичным является всё то, что связано с функционированием стереотипа, с его социально-политическими и общественно-культурными функциями.

В исследовании национальных стереотипов находит применение также аксиоматический метод, при котором некоторые истинные утверждения избираются в качестве исходных положений (аксиом), из которых затем логическим путём выводятся и доказываются остальные истинные утверждения (теоремы). В частности, говоря о негативном характере белорусского стереотипа поляка и лежащем в его основе предубеждении, приходится отталкиваться от того бесспорного факта, что в периоды нахождения белорусских земель в составе Речи Посполитой (неважно какой – I-й или II-й), белорусы, если они, конечно, не стали на путь ассимиляции, не принадлежали к социальной элите и не являлись носителями «высокой» культуры. В глазах поляков, которые эту элиту и составляли, они были «хлопами», «хамми», «быдлом» (т. е. покорной рабочей скотиной). Культура их тоже была «хлопской», «хамской». Такое отношение вызывало, разумеется, ответную реакцию, в негативном характере

которой вряд ли стоит сомневаться. Долгое время это не связывалось с национальным вопросом. Хватало объяснения статусного превосходства одних над другими: первые принадлежали к категории имущих и управляющих, вторые – к категории неимущих (или малоимущих) и управляемых. Пришло время – и эта разница стала связываться с национальной принадлежностью. Произошло это в ходе белорусского национально-культурного возрождения, начавшегося в XIX в. С этого времени всё, что происходило в рамках генезиса стереотипа, приходится доказывать, опираясь на факты, взятые из исторических источников, интерпретированных под углом зрения историко-этнологического интереса. С их помощью представляется возможным доказать, что перелом в отношении белорусов к полякам наступил в ходе подавления польских национально-освободительных восстаний [16] и сразу после них, когда царизм, борясь с польскими культурными влияниями в Беларуси и не вполне рассчитывая на успех русификаторской политики, стал, хотя и неактивно, поддерживать проект белорусского национально-культурного возрождения, перехватив инициативу у его авторов – поляков [17]. В ходе этого возрождения активизируется, помимо прочего, процесс развития белорусского стереотипа поляка. В придании ему негативного характера были заинтересованы российские власти. Поэтому неудивительно, что начинается активное «содействие» русских учёных, писателей и поэтов, публицистов и пр. формированию у белорусов негативного отношения к полякам и польскому присутствию на белорусских землях. Большой вклад в развитие негативного стереотипа поляка внесли переметнувшиеся на службу царизму шляхтичи-ренегаты – уроженцы белорусских земель, вроде Ф.В. Булгарина [18] или О.А. Пржецлавского [19].

Таким образом, набор методов исследования, применяемых для изучения белорусского стереотипа поляка, достаточно разнообразен. Разумеется, методический инструментарий может быть шире и разнообразнее. Всё зависит от специфики самого стереотипа, как объекта исследования, цели и задач, которые ставит перед собой исследователь. Необходимым условием работы над стереотипом является непредвзятость самого исследователя, который для сохранения объективности должен абстрагироваться от стереотипов, носителем которых он сам является, попытаться, образно говоря, «влезть в шкуру» людей, менталитет которых он изучает, посмотреть на мир их глазами, под углом зрения исторической эпохи, в которой они жили. Кроме того, если говорить о выборе элементов описания стереотипа, который, как правило, являет собой «авторскую» реконструкцию, здесь большое значение имеет культурный багаж самого исследователя.

Литература

1. Платон. Государство. Книга VII [Электронный ресурс] / Платон. – Режим доступа : <https://classics.nsu.ru/bibliotheca/plato01/gos07.htm>. – Дата доступа : 22.02.2021.
2. Липпман, У. Общественное мнение / У. Липпман. – М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
3. Smoleński, W. Szkice z dziejów szlachty mazowieckiej / W. Smoleński. – Kraków : Nakładem autora, 1908. – 161 s.
4. Baranowski, I. T. Z dziejów feudalizmu na Podlasiu / I. T. Baranowski // Przegląd Historyczny. – 1907. – Т. IV, z. 1. – S. 62–74, 158–169.
5. Jabłonowski, A. Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym : w 8 t. / A. Jabłonowski. – Warszawa : Skład główny u Gebethnera i Wolffa, 1909. – Т. VI, cz. II : Podlasie (Województwo). – 287 s.
6. Jabłonowski, A. Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym : w 8 t. / A. Jabłonowski. – Warszawa : Skład główny u Gebethnera i Wolffa, 1910. – Т. VI, cz. III : Podlasie (Województwo). – 302 s.
7. Zajęzkowski, S. Najdawniejsze osadnictwo polskie na Podlasiu / S. Zajęzkowski // Roczniki dziejów społecznych i gospodarczych, 1936. – Т. V. – S. 13–44.
8. Wasilewski, L. Litwa i Białoruś : Zarys historyczno-polityczny stosunków narodowościowych / L. Wasilewski. – Warszawa–Kraków : Wyd-wo J. Mortkowicza, 1925. – 251 s.
9. Мазуры [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. – Режим доступа : <https://bigenc.ru/ethnology/text/216374>. – Дата доступа : 22.02.2021.

10. Łojka, O. A. Polak w oczach Białorusina / O. A. Łojka // *Narody i stereotypy* ; pod red. T. Walas. – Kraków, 1995. – S. 104–112.
11. Krotau, A. Geneza białoruskiego stereotypu Polski i polaków / A. Krotau // *Przegląd Wschodni*. – 2002. – Т. VIII, z. 1 (29). – S. 57–74.
12. Голосовкер, Я. Э. Избранное. Логика мира [Электронный ресурс] / Я. Э. Голосовкер. – Режим доступа : <https://fil.wikireading.ru/57966>. – Дата доступа : 16.02.2021.
13. Гачев, Г. Д. Наука и национальные культуры (гуманитарный комментарий к естествознанию) / Г. Д. Гачев. – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского ун-та, 1992. – 320 с.
14. Berting, J. Rola i znaczenie stereotypów narodowych w stosunkach międzynarodowych : podejście interdyscyplinarne / J. Berting, C. Villain-Grandossi // *Narody i stereotypy* ; pod red. T. Walas. – Kraków : Międzynarodowe Centrum Kultury, 1995. – S. 13–27.
15. Chlewiński, Z. Stereotypy : struktura, funkcje, geneza. Analiza interdyscyplinarna / Z. Chlewiński // *Stereotypy i uprzedzenia*. – Warszawa : Wyd-wo Instytutu Psychologii PAN, 1992. – S. 7–28.
16. Кротов, А. М. Реакция белорусского обывателя на польское национально-освободительное движение на белорусских землях в XIX веке / А. М. Кротов // *Беларусь у XIX–XXI стагоддзях : праблемы этнакультурнага і нацыянальна-дзяржаўнага развіцця* : зб. навук. арт. / ГДУ імя Ф. Скарыны. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2013. – С. 17–26.
17. Кротов, А. М. Особенности развития этнонационального самосознания белорусов в конце XIX – 20-х годах XX в. / А. М. Кротов // *Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины*. – 2018. – № 4 (109). – С. 42–47.
18. Кротов, А. М. Поляки в глазах Фаддея Булгарина / А. М. Кротов // *Беларусь і суседзі : шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны* : зб. навук. арт. – Гомель, ГДУ імя Ф. Скарыны, 2013. – Вып. 2. – С. 33–39.
19. Кротов, А. М. О.А. Пржецлавский о поляках : ментальные корни публицистического образа и его идеологический контекст / А. М. Кротов // *Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки* : сб. науч. ст. : в 2 ч. / под ред. В. Ф. Беркова. – Мн. : РИВШ, 2014. – Вып. 14, ч. 1. – С. 155–160.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 26.02.2021